

ПРОБА

Все с ума
все с ума *не* походивши,
походивши

Все с ума походивши. Все с ума походивши.
Все с ума походивши. Все походивши с ума. Проба пера.
А. Володин

8 февраля 2014 года
Вечер третий

А НЕКОГДА — ОДНА ИЗ ВАС...

В БЕСЕДЕ С КОРРЕСПОНДЕНТОМ «ПРОБЫ ПЕРА» СОЛИСТКА ГРУППЫ «СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА» СВЕТЛАНА БЕНЬ РАССКАЗАЛА ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЖАНРА КАБАРЕ И О СВОЕМ ОТНОШЕНИИ К ТВОРЧЕСТВУ АЛЕКСАНДРА ВОЛОДИНА

Анастасия Трушина: В фестивальной программке жанр «Серебряной свадьбы» обозначен как «фрик-кабаре». Что подразумевается под определением «фрик»?

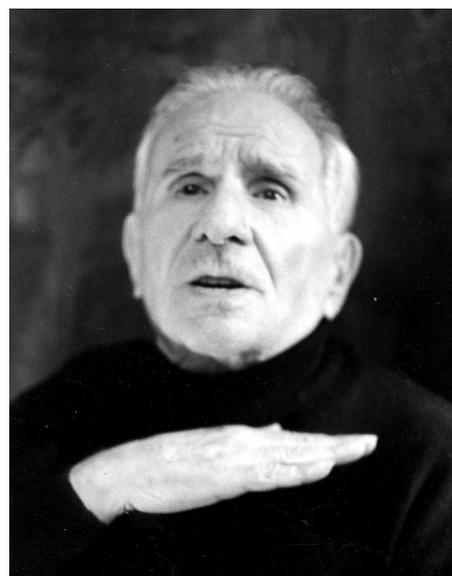
Светлана Бень: Мы не считаем себя фрик-кабаре. «Серебряная свадьба» — это кабаре-бэнд, наши концерты содержат элементы кабаре-представления. Каждая песня — самостоятельный номер, в котором рассказывается определенная история. Выступления театральны, с использованием декораций, костюмов, проекций. Мы не поем песню — исполняем ее «актерски», играем. Наша группа — не кабаре в чистом виде и не в чистом виде музыкальный коллектив, это некий синтез

с равноценным соотношением обеих частей.

А. Т.: Ощущаете ли вы сходство поэтики ваших текстов с текстами Володина?

С. Б.: Сходство пугающе сильное. Я была знакома с Володиным как с драматургом, но совершенно ничего не знала о нем как о человеке. Прочитав воспоминания, я с удивлением обнаружила в них много схожего, родственного. Это, в первую очередь, философия жизни, эмоциональное восприятие окружающего, характер. Особенно близкой для меня оказалась поэзия Володина.

А. Т.: Насколько ваша лирическая героиня «автобиографична»?

ИЗ ВОЛОДИНА

А некогда — одна из вас, сама своей не зная силы, неясным светом заслонясь, нас обожанию учила. Чтобы потом за нею следом и вы, встречаясь на пути, светили нам таким же светом, как некогда она. Почти.

С. Б.: Практически никакого сходства нет. На самом деле, никакой лирической героини не существует. Каждая песня рассказывается от лица отдельного персонажа, и все они очень разные.

А. Т.: Есть ли что-то, что их объединяет?

С. Б.: Нет, на мой взгляд, между ними нет ничего общего.

А. Т.: Какие музыкальные коллективы близки вам по духу?

С. Б.: Наша группа постоянно развивается, меняется. В основном, мы подпитываемся из таких источников, как кабаре-культура Франции и Германии конца позапрошлого — начала прошлого века. Это культура очень европейская, она сильно развита в Европе и Америке. В начале XX века жанр кабаре был

широко представлен и в России: «Бродячая собака», «Привал комедиантов», творчество Александра Вертинского. Эта среда подпитывает не только нас. Я думаю, существует множество коллективов, которые визуально или внутренне близки к жанру кабаре, и так же, как и мы, вдохновляются кабаре-культурой разных стран и времен. Возможно, есть команды внешне похожие на нас, но каждое кабаре уникально, поскольку это сугубо индивидуальное высказывание человека, который стоит во главе коллектива, является носителем его творческой энергии. Прямых аналогов, родственных нам музыкальных групп мы не знаем.

А. Т.: Вас, к примеру, часто сравнивают с английским кабаре «Tiger Lillies»...

С. Б.: Я думаю, что это вздор.

Артём Залесский (ударные): Это связано с тем, что «Tiger Lillies» — самая популярная европейская кабаре-группа, известная в России. Для нашей страны этот жанр по-прежнему экзотика. Подобных коллективов в Европе огромное количество, но к нам они просто не приезжают.

А. Т.: Что вам интересно в театре?

С. Б.: Мне безумно интересно все, что связано с театром, но за театральной жизнью я слежу довольно хаотично. Я не могу назвать конкретных имен. Мне интересно наблюдать за теми активными переменами, которые переживает сейчас театр. Сегодня, например, я имела счастье познакомиться с Большим театром кукол и убедиться в том, что он живет уникальной, удивительно насыщенной жизнью.

«ПЕРВАЯ ЧИТКА». ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

МАЛЕНЬКАЯ ПРИНЦЕССА

Ярослава Пулинович
«Девочка и птицы».
Режиссер Мария Романова
(Санкт-Петербург)

В 2014-м году программа «Первая читка», как и фестиваль «Пять вечеров», отмечает юбилей — десять лет. За время существования проекта был создан экспертный совет, в который в этот раз вошли Татьяна Джурова, Павел Руднев и Сергей Лавлинский; появилась группа драматургов и режиссеров — постоянных участников «читок».

Афишу Десятого Володинского составили пьесы Ярославы Пулинович, Николая Рудковского, Марины Крапивинной, Дэна и Яны Гуменных, Владимира Антипова и Алексея Забегина — авторов, признанных не только в России, но и за рубежом.

В первый день были показаны два эскиза: работа Марии Романовой «Девочка и птицы», автор — Я. Пулинович, и «Великое переселение уродов» Н. Рудковского в постановке Александра Никанорова.

Пьесы очень разные. Собственно, у Пулинович не пьеса — киносценарий. Исходя из этого — принципиально иные ремарки, постоянная смена места действия, отбивки, рваная композиция.

В основе — история девочки-подростка, «вовсе не влюбленной»

в рок-исполнителя, лидера группы «Курара» по имени Олег. Олег болен, у него туберкулез, потому большую часть времени кумир молодежи проводит не на сцене — в палате местного тубдиспансера. Там же лежит и Катя, которая после развода родителей, переболев всеми мыслимыми и немыслимыми болезнями (от коклюша до псориаза), решила остановиться на самом декадентском заболевании, воспетом Ф. Достоевским, Т. Манном, Э.-М. Ремарком. Так и встретились два одиночества: ей — двенадцать (возраст Лолиты), и она свободна; ему — около тридцати, и он женат. Катя слушает музыку Олега, гуляет по его маршрутам, приводит ему барышень, готовит невкусные завтраки, иногда приносит водки. Он или молчит, или говорит «уйди!». Она преданна и услужлива. Ему — плевать. Сердце Олега разбито бесконечными изменами жены Марины.

Ближе к финалу герои, сбежав из больницы и побывав на воле, возвращаются в привычное пространство палат. Разведенные по разным рекреациям, они вдруг обретают каждый свое счастье: Олег — очередную, но более подходящую по возрасту фанатку Веру; Катя — Матвея — 14-летнего мальчика, уже давно за ней наблюдающего и мечтающего о знакомстве.

Сценарий Ярославы Пулинович, написанный сухо, без особой поэ-

ИЗ ВОЛОДИНА

Свобода
от общества, в котором нельзя
жить и быть
свободным от него.
Не знал еще, что останусь
несвободен
от самого себя, глядящего себе
в душу.

зии и лиризма, прост и предсказуем. Драматургические ходы просчитываются на раз. Этакая «хорошо сделанная пьеса». Правда, хорошо. Правда, сделанная.

Режиссер Мария Романова, не внося никаких формальных корректив в оригинальный текст, тем не менее преобразует его содержательно.

Брутальный Олег не так уж и брутален. Артист Сергей Агафонов, просидев треть сценического времени спиной к залу, произнося реплики чуть сдавленным низким голосом, убедительно изображает одинокого интеллектуала-интроверта, которому не так уж плохо в палате: много времени для чтения.

Бунтарка Катерина, способная предъявить миру в качестве вызова лишь собственную смерть, здесь существо хрупкое, ранимое, застенчивое. В ней нет и намека на хамство или грубость. Марина Даменьева «в чем-то сером без причуд», в розово-голубых балетках-бахилках, сидит почти весь спектакль на самом краешке стула (только в редкие моменты счастья она позволяет себе рассла-

биться и откинуться на спинку). Укутанная в длинный вязаный шарф, девочка напоминает Маленького принца. Голосок, звенящий колокольчиком, пробуждает одно желание — обнять. Ее болезнь не побег от действительности, попытка привлечь внимание. Ей горько, больно видеть ругающихся родителей, вся природа ее против ссор — отсюда бесконечные недуги. Задачи умереть не стоит. Она не выбирает смерть. Катя выбирает жизнь. Жизнь в любви, но что же делать, если в нашем мире любовь возможна только в больнице, только в условиях тотальной неизлечимости.

ПРО УРОДОВ И ЛЮДЕЙ

Николай Рудковский

«Великое переселение уродов».

Режиссер Александр Никаноров
(Санкт-Петербург)

Вторая пьеса, представленная в рамках программы «Первая читка», — «Великое переселение уродов» Николая Рудковского.

По форме — это коллаж, составленный из множества историй, происходящих в разных концах мира: Индии, Беларуси, Польше, Великобритании, Канаде, России. Направление задано четко: с Востока на Запад и обратно. Хождения-шатания персона-

жей напоминают путешествие Данте по кругам ада, с тем лишь отличием, что здесь далеко не все и не всегда всерьез. Иногда — в шутку, чаще — по приколу. Абсурд с элементами черного юмора.

Лейтмотив — опять вспомним Антуана де Сент-Экзюпери — «там хорошо, где нас нет»: в каждом из фрагментов есть герой, недовольный жизнью, мечтающий о земле обетованной. Для одного это Индия, для другого — Польша. Но по прибытии в страну грез к герою немедленно приходит осознание: чудес не бывает. Везде одно и то же — люди, проблемы, условия существования. Так и бродят дружным караваном неприкаянные «уроды» Н. Рудковского по Земле, смешиваясь, ассимилируясь, теряя собственное «я».

Собственно, к финалу трудно понять: кто — урод? Русскоязычное «урод» оказывается созвучным польскому «уроода», означающим «красавица». Да и есть ли вообще «уроды», или кругом сплошные «люди»?

Интересно и остроумно изложенная история все же излишне затянута. Урежь ее драматург раза в два, остановись он на Ирландии, как на переходе персонажа из мира земного в мир горний, дальний, небесный, пьеса бы не только ничуть не потеряла — приобрела. Но Рудковский не Чехов, и краткость не его стезя. По-

тому читать с определенного места скучно, смотреть — тоже: все приемы использованы, шутки озвучены, остается только дойти до конца, ничего не чувствуя, ни о чем не думая, — бессмысленное брожение табуна действующих лиц утомляет.

Хотя режиссер Александр Никаноров, казалось бы, делает все, чтобы зрителю было интересно. Мастерски решает проблему вечно меняющегося пространства: для каждой истории — своя мизансцена, музыка, костюмы.

Герои систематизированы: томных загадочных красавиц играет Анна Хорунжева; нелепых комических «простачек» и старух — Алексия Белавина; эксцентричных барышень и городских сумасшедших — Александра Мамкаева; героев — Владимир Карпов; «дурачков» — Алексей Фролов, чей Мальчик на самокате смешон до безумия, и т. д.

Все они не сидят и читают — играют, ходят, танцуют, жонглируют, получают удовольствие от процесса, фотографируются с публикой, намекая, что мы — едины. Улыбаясь, подшучивая над нами, актеры транслируют мысль: ловите момент, наслаждайтесь каждой минутой, испытайте счастье не когда-нибудь потом, а прямо здесь и сейчас.

Яна ПОСТОВАЛОВА

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ МОСКВЫ

«Развалины». Режиссер Кирилл Вытоптов.

(Центр драматургии и режиссуры А. Казанцева и М. Рощина, г. Москва)

Пьеса Юрия Клавдиева «Развалины» прозвучала впервые в программе читок на Володинском фестивале. Спустя несколько лет она вернулась уже в форме полноценной постановки Кирилла Вытоптова.

Безусловно, фестивальная атмосфера не всегда помогает спектаклю раскрыться, да и чужая сцена нередко бывает немилостива. Работе К. Вытоптова не повезло: спектакль потерялся в пространстве. Отсюда — отсутствие энергии, невнятность, вялотекущая. Кажется, будь «Развалины» сыграны в подвальчике ON.TEATP, было бы намного лучше.

Про ON.TEATP вспомнилось неслучайно: именно там Дмитрий Егоров вместе с «Этюд-театром» поставил свою версию «Развалин».

Пьеса Клавдиева — это такой драматургический материал, который петербуржцу трудно воспринимать отстраненно, и совершенно не имеет значения, сколько зрителю, читателю, слушателю лет. Тема блокадного Ленинграда, неразрешимый этический вопрос «самой умереть, или видеть, как гибнут?» режет по живому.

Спектакль Егорова именно такой — оставляющий ощущение открытой раны, резкой боли от удара под дых. «Развалины» Кирилла Вытоптова напротив — спектакль спокойный, холодный, не вызывающий никаких сильных эмоций. Режиссер щадит зрителя, намеренно не делая сильного акцента на этическом конфликте двух главных героев: Ираклия Алек-

сандровича Ниверина — интеллигента, йога, вегетарианца и просто хилого мужчины; и Марии Ильиничны Развалиной — крестьянки, оказавшейся в Ленинграде с тремя детьми и кормящей их человечинной. Вытоптов привносит в сценический текст много комического. Именно комичность персонажей — всех без исключения — снимает напряженность конфликта, идей, заложенного драматургом, и сильно

ИЗ ВОЛОДИНА

Никогда не толпился в толпе.
Там толпа, тут я сам по себе.
В одиночестве поседев,
по отдельной бреду тропе.
Боковая моя тропа,
индивидуализма топь.
Где ж толпа моя?
А толпа заблудилась
среди прочих толп.

мешает понять, что все же хотел сказать режиссер.

Мария Сизова в статье 2012 года «В черно-белом городе» (ПТЖ), сравнивая петербургский и московский спектакли, пишет, что в постановке Вытоптова «персонажи борются не за выживание, а за чистоту». Получается, что Развалина борется за чистоту чисто внешнюю, формальную. Спектакль начинается с того, что Развалина (Ирина Денисова) просит входящих в зал вытереть ноги, далее в спектакле она моет пол, стирает белье и настаивает на том, чтобы Ираклий Александрович дал ей и свое белье постирать. Ниверин, по всей видимости, должен бы тогда пропагандировать чистоту внутреннюю — духовную. Да, рассуждения Ниверина о том, что мы всё же люди и должны оставаться людьми, в спектакле присутствуют, но вот что странно — Ниверин (Андрей Огонян) произносит гуманистические истины голосом диктора советского радио. Это звучит неожиданно и даже интересно, но, на мой взгляд, нивелирует ценность высказывания героя. По радио никогда не говорят правду, по радио никогда не услышишь истину. Как же тогда отнестись к тому, что говорит Ниверин?

Финальная сцена — Ниверин, бормоча что-то про «нового человека», который не будет есть кошечек и собачек и вообще всяких других живых существ, расстегивает пальто на лежащем труп, и оказывается, труп-то — «кукла», обманка, сделанная из фруктов! Ниверин берет зеленое яблочко из трупа и падает. Подстреленный. С этим яблочком. Так и не вкусив, не отведав запретного плода. О духовной ли это чистоте? И какой неведомый конфликт между чистым полом и вегетарианством?

Ниверин-Огонян комичен. Он неуверен в себе, неловок, тих. Это далеко не тот неврастеничный, тонкий Ниверин Семена Серзина, которого мы видим в петербургской постановке Дмитрия Егорова. Этот Ниверин неудачник и недотепа. Развалина Ирины Денисовой — маленькая, тоненькая женщина, с голосом, напоминающим кудахтанье. Эдакая комическая крестьянка, иногда срывающаяся на крик, иногда переходящая в какой-то не пойми откуда взявшийся серьезный психологизм, не свойственный этой постановке. Чего только стоит странная и смешная Анечка (София Райзман), похожая на роботоподобную Ренату Литвинову

с лязгающим голосом и походкой балетной примы на пенсии!

С любопытством ждала сцены, где Развалина читает своим детям «сказку» о фашисте-вороге. В спектакле Д. Егорова эта сцена одна из самых запоминающихся. Развалина Ульяны Фомичевой произносит монолог грудным голосом, поднимая из глубины веков богатырскую мощь, транслируя неистовое отчаяние, невыносимый страх войны; ритмизуя речь, вводит зрителя полу-экстатический транс, выход из которого — болевой шок.

У Вытоптова эта сцена не несет в себе никакого сильного эмоционального посыла, как и весь спектакль в целом. Это удивляет и вызывает недоумение. Доброта Вытоптова, его гуманность по отношению к зрителю, желание смягчить горечь шуткой, обесцвечивает провокационный текст Клавдиева.

Дети Развалиной и Анечка, принимающая их взгляд на выживание, по мысли Егорова — выжившее поколение. Поколение дельцов и прагмати-

ков. Это не оценочное суждение режиссера, это всего-навсего данность, такая, какой ее видит Дмитрий Егоров. Эти дети — грубая, мощная, тупая и страшная в своей дерзости новая сила, забирающая себе право на будущее, потому что у таких, как Ниверин, нет сил на жизнь — нет будущего.

В трактовке Кирилла Вытоптова «новая сила» не так страшна и, кажется, не так вызывающе неизбежна, будто народившееся поколение, когда кончится война, возьмет в руки книги, а вслед за книгами, может, и вспомнят Ниверина с его гуманностью и верой в человечность...

Полина КОРШУНОВА

Перья пробовали:
Ольга Говорова,
Полина Коршунова,
Дарья Макухина,
Яна Постовалова,
Анастасия Трушина и Ксения Ярош.
Верстка: Юкка Малека.